

Близился рассвет. Мэй Ханьцзюэ искоса глянул в сторону — Цзянь Сюэхэ так и не вернулся. Ли Сяохо всё так же сидел на прежнем месте, и его жутковатая Маска младенца-призрака казалась неподвижным изваянием в стылом воздухе.

— Куда они подевались? — спросил Мэй Ханьцзюэ.

Ли Сяохо даже не шелохнулся, проигнорировав вопрос.

Мэй Ханьцзюэ отвёл взгляд от безучастного спутника. Воздух в барабанной башне будто сгустился, давя на плечи. Поднявшись на ноги, он зажёл огонёк. Слабый свет выхватил из темноты очертания старого строения. Древнее изваяние божества то выступало из мрака, то вновь тонуло в покачивающихся тенях. На растрескавшихся, облупившихся стенах проступали старинные росписи. Сквозь глубокие трещины и вековую пыль угадывались сцены из преданий о верных посланниках Змеиной Матери.

Предание гласило, что тысячу лет назад, когда Змеиная Матерь обрела Дао и вознеслась, она пожелала избрать в мире смертных двух посланников. После долгих испытаний выбор пал на человека и призрака. Последний при жизни тоже был смертным, но после кончины последовал за божеством, пока наконец не переродился в могущественное существо, оберегающее благополучие этих мест.

Время безжалостно обошлось с древней росписью: краски осыпались, штукатурка выцвела. Мэй Ханьцзюэ едва мог различить лики Змеиной Матери и её слуг. Большая часть изображений превратилась в хаотичное месиво из багровых и сизых пятен, навсегда скрыв подробности легенды.

Вдруг краем глаза Мэй Ханьцзюэ уловил тёмный силуэт — Ли Сяохо бесшумно, точно дух, вырос у него за спиной. Ни единый шорох не выдал его приближения. Маска младенца-призрака уставилась в одну точку на стене. Там, среди едва различимых ветвей персиковой рощи, под раскидистым деревом виднелись две крошечные, едва заметные фигуры.

Краски на стене словно подёрнулись зыбкой дымкой, и казалось, будто эти две точки на росписи слабо шевелятся.

Ли Сяохо долго всматривался в очертания фигурок, прежде чем отвести взгляд.

— Нам пора, — раздался хриплый юношеский голос.

Бросив эту короткую фразу, он, не дожидаясь согласия, развернулся и зашагал к выходу из барабанной башни, придерживая рукоять меча за спиной. Мэй Ханьцзюэ ненадолго задумался. Вспомнив, что Цзянь Сюэхэ и Цзянь Минну исчезли вместе, он решил не лезть не в своё дело и последовал за спутником.

Находившийся по ту сторону росписи Минну в отчаянии наблюдал за их уходом. Он изо всех сил звал Ли Сяохо, но тот, похоже, совершенно его не слышал. Встретившись взглядом с Цзянь Сюэхэ, юноша уловил в его глазах холодное нетерпение. В груди Минну шевельнулся липкий страх: вдруг тот потеряет терпение, бросит его здесь одного и уйдёт, оставив на растерзание блуждающим среди персиков мертвецам?

— Брат Хэ, я... я попробую, — тихо выговорил Минну. — А если не выйдет, придумаем что-нибудь ещё.

В нос ударил едва уловимый, прохладный аромат чистого снега, исходивший от стоявшего вплотную юноши. В душе Минну шевельнулось странное, неловкое чувство — оно кололо сердце невидимыми иглами, мешая вздохнуть полной грудью.

Он невольно придвинулся ближе. Цзянь Сюэхэ смотрел на него сверху вниз. В конце концов, они оказались в ловушке исключительно по вине Минну — Сюэхэ полез в эту глушь только ради его спасения. Укоряя себя за неловкость, Минну приоткрыл рот и попытался зубами ухватиться за край воротника Сюэхэ. С заведёнными за спину руками сделать это было чертовски трудно. От крайнего напряжения и смущения щёки юноши вспыхнули пунцовым румянцем.

С ракурса Цзянь Сюэхэ была видна лишь половина лица Минну. Он смотрел, как юноша, приоткрыв излишне яркие губы, цепляет зубами край его одеяния, оставляя на ткани влажный след. Его щёки горели от смущения.

Чувствуя на себе пристальный взгляд Сюэхэ, Минну отчаянно боролся с накатывающим ужасом. Краем глаза он всё ещё видел покачивающиеся рядом мёртвые тела, облачённые в подвенечные наряды с красными покрывалами на головах. Их синюшные, окоченевшие ступни безвольно качались на ветру. Кожу обсыпало колючими мурашками. Пытаясь отвлечься от жуткого зрелища, он сосредоточился на Цзянь Сюэхэ. Заметив рукоять спрятанного клинка, Минну, как и велел юноша, потянулся губами и осторожно перехватил её зубами.

Почти полностью прижавшись к чужой груди, улавливая смешавшееся дыхание и тепло чужого тела, Минну аккуратно вытянул Клинок Вышитой Весны. Он поднял взгляд и натолкнулся на глубокие, непроницаемые глаза Сюэхэ.

Стоило Клинку Вышитой Весны покинуть ножны, как лезвие вспыхнуло резким, холодным сиянием и без труда перерезало стягивавшие их путы. Минну озадаченно моргнул. Если Цзянь Сюэхэ мог призвать оружие мысленно, зачем вообще понадобилось заставлять его проделывать всё это?

Впрочем, размышлять об этом времени не оставалось. Ветви персикового дерева висели высоко над землёй, и, лишившись опоры, Минну рисковал при падении сломать себе ещё что-нибудь. Чисто инстинктивно он вцепился в подол Сюэхэ, навалившись на него всем телом.

— Брат Хэ! — вскрикнул он.

Падение смягчило крепкое плечо Сюэхэ, благодаря чему Минну благополучно приземлился на ноги, не получив ни единой царапины. В то же мгновение Снежный меч в руке Цзянь Сюэхэ рассёк воздух карающим росчерком. По призрачному небу побежали трещины, иллюзорный мир с грохотом рассыпался на тысячи осколков, обнажив мутную пелену барьера.

Цзянь Сюэхэ без колебаний шагнул сквозь разрыв, и Минну поспешил за ним. Стоило им преодолеть границу барьера, как жуткий лес с повешенными невестами растаял без следа. Они вновь стояли в пыльном полумраке барабанной башни.

На сей раз призрачная женщина в алых одеждах так и не явилась. Оглядевшись по сторонам, Минну тихо спросил:

— Брат Хэ... почему эта женщина в красном схватила нас?

Его действительно мучил этот вопрос: злой дух обездвижил их, но не стал лишать жизни.

— Возможно, отправилась в погоню за теми двумя, — безучастно отозвался Цзянь Сюэхэ.

Только сейчас он обратил внимание на то, что Минну укутан в довольно плотные одежды, больше похожие на зимние. Гору покрывали ядовитые туманные леса, где температура всегда держалась низкой, а в местах, осквернённых тёмными силами, ледяной дух и вовсе проникал под кожу. Лишённому духовных сил Минну здесь должно было быть невыносимо холодно.

— Возвращаемся в постоянный двор. Нужно доложить о случившемся старшему брату Сунцзиню.

Цзянь Сюэхэ не терпел возражений. Минну оставалось лишь покорно следовать за ним. Ли Сяохо рядом не было, и теперь его единственной защитой оставался этот холодный юноша в алых одеждах. Стараясь не отставать, Минну прибавил шаг.

На улице едва брезжил рассвет. Лес заволокло густым, молочно-белым туманом. Минну шёл на некотором отдалении от Сюэхэ. Вдруг боковым зрением он уловил какое-то движение среди деревьев. В туманной дымке проступил нечёткий белый силуэт — призрачная фигура неподвижно стояла в отдалении, но стоило моргнуть, как она бесследно растаяла.

— Брат Хэ, — не удержавшись, позвал Минну.

Идущий впереди юноша замер. Минну торопливо прижался к его плечу и снова посмотрел в ту сторону, но там колыхался лишь безмолвный туман.

— Иди чуть медленнее... я не успеваю за тобой.

Минну тяжело дышал, его лицо покраснелось от быстрой ходьбы. Цзянь Сюэхэ мимолётно взглянул на его округлившиеся от страха глаза и пылающие щёки. Ничего не сказав, он тем не менее сбавил ход.

Гора Колокола и Барабана высилась к самым небесам. Магия перенесла их лишь на середину склона, а хлынувший ливень и вовсе заставил сделать вынужденную остановку. Цзянь Сюэхэ отыскал неприметную пещеру. Снаружи бушевала гроза, тяжёлые свинцовые тучи заволокли небо, превратив день в сумерки. Дождь стеной отрезал их от мира, видимость в лесу упала почти до нуля, а сквозь непрерывный шум воды из глубины чащи доносился едва различимый, заунывный плач.

Минну забился в самый дальний угол пещеры. Цзянь Сюэхэ прислонился к каменной стене напротив, полуприкрыв глаза. Юноша то и дело украдкой поглядывал на него. Расстояние между ними было совсем крошечным, но Минну не смел даже шелохнуться — стоило ему пошевелиться, как ресницы Сюэхэ вздрагивали, и тот открывал глаза.

Цзянь Сюэхэ прекрасно чувствовал этот робкий, но настойчивый взгляд. Мальчишка безуспешно пытался казаться незаметным: посмотрит секунду-другую и спешно отвернётся, продолжая смирно сидеть в своём углу.

— Брат Хэ, дождь прекратился, — тихо произнёс Минну.

Он поднялся на ноги. С окончанием ливня путь стал значительно легче. Рядом с Цзянь Сюэхэ можно было ни о чём не беспокоиться: тот безошибочно выбирал самые короткие тропы, и уже во второй половине дня они спустились к Городу Колокола и Барабана.

Зажатый между горными хребтами город казался глухим и отрезанным от мира. На улицах почти не было местных жителей — в глаза бросались лишь многочисленные ученики различных орденов. В городке работало всего несколько постоянных дворов. Проходя мимо лавок, Минну замечал вырезанные повсюду змеиные узоры. Город Колокола и Барабана издревле считался колыбелью культа Змеиной Матери, и здешний люд до сих пор свято чтит древние обряды.

— Старший брат Цзянь! — раздался радостный возглас одного из учеников Южного пика.

Завидев Цзянь Сюэхэ, тот мгновенно преобразился, на лице его отразились робость и благоговение. Сюэхэ славился своей ледяной отстранённостью, но это лишь разжигало интерес окружающих. В Восточном дворе всё было иначе. Минну, не выносивший шумных сборищ, поспешил незаметно отступить в сторону, пока Сюэхэ плотным кольцом окружали обступившие его адепты.

Неподалёку от постоянного двора старший брат Сунцзинь вполголоса раздавал поручения адептам. Оглядевшись по сторонам, Минну быстро отыскал взглядом знакомую маску младенца-призрака. Ли Сяохо тихо стоял в тени у стены, совершенно безучастный к происходящему, словно бесплотный дух.

Почувствовав облегчение, Минну направился напрямик к нему, с удовольствием оставляя позади гомон взбудораженной толпы.

— Старший брат Цзянь, почему вы так задержались? По пути возникли трудности?

— Вы не ранены?

— Старший брат Цзянь, не хотите ли пойти с нами сегодня во второй половине дня?

Цзянь Сюэхэ краем глаза проследил за Минну. Мальчишка уже проскользнул на другую сторону двора и теперь шагал прочь с явным облегчением, даже не думая оборачиваться.

Ли Сяохо лениво разглядывал змеиные орнаменты на каменной кладке. Разумеется, появление Маленького Янь-вана и Цзянь Минну не укрылось от его внимания. Заметив, что Минну спешит именно к нему, Ли Сяохо озадаченно склонил голову набок.

— О чём толкует старший брат Сунцзинь? — поинтересовался Минну.

— Да так, — глухо отозвался Ли Сяохо из-под маски. — О всякой ерунде.

Минну поверил ему на слово, но всё же прислушался к доносившимся обрывкам фраз. Судя по всему, руководство ордена не собиралось нянчиться с учениками — им надлежало самим искать зацепки и расследовать дело. Минну лишь озадаченно нахмурился. Пальцы его невольно сжали спрятанный в рукаве Миниатюрный меч. У него была своя, куда более важная цель: Цзянь Сюэхэ ни в коем случае не должен вернуться из этого похода живым.

— Когда ты добрался до города? — шёпотом спросил Минну.

— Утром.

Ли Сяохо заметил, что Минну так и льнёт к нему. Впрочем, это было вполне объяснимо: они оказались в одной лодке, а у Минну не было ни капли духовных сил, вот он и искал защиты у более сильного напарника. Ли Сяохо окинул юношу оценивающим взглядом. Тот даже не смотрел на зловещие змеиные знаки на стенах — все его мысли, судя по направлению взгляда, крутились вокруг дымящихся лакомств в лавке на противоположной стороне улицы.

«Сущий ягнёнок, — подумал Ли Сяохо. — От такого точно не стоит ждать угрозы».

Не привыкший к компании Ли Сяохо неожиданно сам предложил:

— Если хочешь держаться со мной, будешь беспрекословно слушаться.

Минну вспомнил, что во время прошлого испытания Ли Сяохо говорил ему то же самое, а после как-то ухитрился затеряться в толпе.

— Хорошо, договорились, — согласно кивнул он.

— И когда мы выдвигаемся? — спросил Минну.

— Можно прямо сейчас.

Минну нерешительно замялся:

— А мы... мы не могли бы сначала перекусить?

Он ни маковой росинки во рту не держал последние два дня. Цзянь Сюэхэ, судя по всему, давно практиковал искусное воздержание от пищи и в еде не нуждался, совершенно забыв о потребностей смертного спутника.

Ли Сяохо нахмурился под маской — лишние хлопоты его раздражали, но просьба была вполне резонной. Цзянь Минну казался на редкость безобидным смертным: слабый, неспособный причинить вред, вечно думающий лишь о еде и отвлекающийся на сущие пустяки.

— Ладно, — согласился он.

Придя к согласию, они направились к палатке торговца на другой стороне улицы. Минну ещё издали приметил вывеску, предлагавшую отведать Вонтонов из красной парчи — судя по всему, местного деликатеса.

Пока они устраивались за дощатым столом, старший брат Сунцзинь продолжал напутствовать остальных учеников:

— Надеюсь, все меня расслышали? В округе рыщет нечисть, поэтому с наступлением темноты покидать постоянный двор строго запрещено! — Сунцзинь, словно заботливая нянька, оглядел собравшихся. — И не забудьте предупредить тех, кто только вернулся: все вылазки — строго при свете дня.

В этот момент он спохватился, недосчитавшись двоих:

— А где Цзянь Минну и Ли Сяохо? — вспомнив былые проделки последнего, нахмурился Сунцзинь. — Куда они делись?

— Старший брат Сунцзинь, я слышал, как они договаривались сходить за вонтонами на ту

сторону улицы, — отозвался один из адептов.

Проследив взглядом за удаляющимися фигурами, Сунцзинь с облегчением вздохнул, увидев их у лотка бродячего торговца.

— Ли Сяохо, а что значит «Красная парча»? — любопытствовал Минну.

Из-за слухов о бесчинствах злых духов улицы городка опустели. У лотка ютилось всего несколько случайных прохожих. Хозяин лавки споро орудовал черпаком над кипящим котлом, а на прилавке рядом с ним высилась чаша с тонкими алыми волокнами — той самой «Красной парчей».

— Местная диковина, — коротко обронил Ли Сяохо.

Это Минну и сам понимал. Они устроились за самым дальним столиком в углу. Когда мимо них зашагал один из уходивших посетителей, Минну на миг показалось, что Ли Сяохо весь подобрался, готовый к стремительному броску. Но стоило присмотреться, как это ощущение исчезло, оставив лишь смутное чувство, что ему всё померещилось.

— Да это я понял, — улыбнулся Минну. — Просто они так похожи на шёлковые нити, которыми вышивают парчу.

— Вообще-то это черви, — бесстрастно отозвался Ли Сяохо.

Пока они переговаривались, хозяин принёс две дымящиеся пиалы. Минну никогда раньше не пробовал этого блюда. Присмотревшись к плавающим в бульоне багровым нитям, он с содроганием заметил на них крошечные, едва различимые чёрные точки, похожие на мириады слепых глазков.

Сидящий напротив Ли Сяохо заметил секундное замешательство спутника. Немного подумав, он всё же решил промолчать и не говорить впечатлительному юноше, что эти твари обычно плодятся на гниющих мертвецах в могильных лесах.

Убедившись, что Минну без лишних расспросов уплел всю порцию до последнего кусочка, Ли Сяохо пожал плечами и придвинул к себе свою пиалу, быстро покончив с ужином.

Немногие оставшиеся посетители явно были из местных старожилов. Пожилая женщина негромко обратилась к хозяину лавки:

— На улицах ни души... Саньчжун, а про беду в поместье Чжэн ты слышал?

— А как же, — вмешался в разговор мужчина за соседним столом. — У них ведь опять

покойник. Говорят, из-за их грехов вся эта нечисть на город и нахлынула.

Торговец, выглядевший изнурённым от постоянного страха, вздохнул и обратился к старухе:

— Тётушка Эр, вы бы дома сидели в такие дни. Дошли и до меня эти слухи. Пусть благородные господа из бессмертных орденов с этим разбираются. Главное — носа на улицу не показывать, как стемнеет...

Минну внимательно вслушивался в приглушённые голоса. Теперь стало ясно, почему Город Колокола и Барабана вымер.

— Что здесь стряслось? — шёпотом спросил он у Ли Сяохо. — О каком таком поветрии они толкуют?

Юноша покачал головой:

— Чтобы узнать это, мы сюда и прибыли.

Когда они покинули лавку, солнце уже окончательно скрылось за вершинами гор. Город стремительно укутывали серые сумерки, делая очертания домов зыбкими и неверными. До наступления ночной тьмы оставалось от силы четверти часа, и на улицах уже не осталось ни души — все заперлись в своих жилищах.

Минну торопливо шагал следом за Ли Сяохо по узким, кривым переулкам.

— Куда мы держим путь? — негромко спросил он.

— Навстречу нечисти, — последовал лаконичный ответ.

Ли Сяохо протянул ему странный, иссиня-чёрный катышек, похожий на комок спутавшихся волос.

— Что это? — сморщился Минну.

— Положи в рот. Это скроет твоё жизненное дыхание и напитает тело аурой скверны. Для злых духов мы станем своими.

С этими словами Ли Сяохо просунул пилюлю под маску. В тот же миг налетел ледяной порыв ветра, со свистом пронёсшийся по переулку. Он сорвал связки ритуальных бумажных денег у порога похоронной лавки, и погребальные листы белыми хлопьями закружились в воздухе, устилая холодную землю.

Тем временем на постоялом дворе Сунцзинь пересчитал оставшихся учеников и нахмурился, не обнаружив двоих.

— Старший брат Сунцзинь, — доложил один из адептов, — Ли Сяохо и Цзянь Минну пропали.

<http://bllate.org/book/20439/2151786>